

ВЛАДИМИР ГЕРЬЕ

О КОНСТИТУЦИИ И
ПАРЛАМЕНТАРИЗМЕ В
РОССИИ

Владимир Герье

**О конституции и
парламентаризме в России**

«Public Domain»

1906

Герье В. И.

О конституции и парламентаризме в России /
В. И. Герье — «Public Domain», 1906

«Известный сподвижник императора Александра I Михайловский-Данилевский записал в своих воспоминаниях, что „до царствования этого государя в России не было общего мнения, прежде его опасались у нас произносить слова – „правительство“ и „отечество“, тем менее еще рассуждать об оных, равно и о своем монархе“. И долго еще после этого не могло быть речи в России об общественном мнении в политическом смысле...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Владимир Герье О конституции и парламентаризме в России

I

Известный сподвижник императора Александра I Михайловский-Данилевский записал в своих воспоминаниях, что «до царствования этого государя в России не было общего мнения, прежде его опасались у нас произносить слова – „правительство“ и „отечество“, тем менее еще рассуждать об оных, равно и о своем монархе». И долго еще после этого не могло быть речи в России об общественном мнении в политическом смысле. Насколько оно появлялось – оно жило в кружках. В этих кружках рано можно отметить два течения: одно из них находилось под сильным влиянием того, что происходило в Западной Европе, и черпало оттуда свои политические идеалы. Это направление имело поэтому подражательный характер, его представители часто не давали себе достаточного отчета о том, насколько их идеалы пригодны для России, насколько западноевропейские учреждения применимы к ней. Политическим образцом для этого подражательного либерализма служил английский парламентаризм, преимущественно, впрочем, в его более знакомой русским людям французской переделке, символом которой был популярный девиз: «Государь царствует, но не управляет». Странно, конечно, и объяснимо только психологически, что в государстве самодержавном, в котором еще не было даже зачатков самоуправления и существовало крепостное право, политические мечтатели увлекались идеей упразднения монархической власти там, где все ею держалось. Но при всем своем увлечении это направление представляло то достоинство, что распространяло в обществе стремление к политическому прогрессу и исходило от определенных политических учреждений.

Рядом с ним и в противоположность ему развивалось другое направление, которое не желало отделяться от национальной почвы и потому принципиально отвергало всякое следование иноземным образцам. Находя, что Россия без того слишком долго и сильно поддавалась иноземным влияниям, приверженцы этого направления обращались всей душой к русской старине и там черпали свои идеалы. Они находили там два основных политических понятия, которым они поклонялись и которые они идеализировали, – царскую власть и народ. Они сопоставляли эти два понятия чисто внешним способом, а если желали установить между ними внутреннюю связь, то не выходили из области моральных представлений, отвергая всякие юридические определения. В этом преобладании этического элемента над юридическим приверженцы этого направления находили особенность и преимущество восточного, славянского мира над западноевропейским. В этих представлениях проявлялась иногда крайняя наивность. Еще в восьмидесятых годах [XIX в.] в Москве один из представителей указанного направления, почтенный по летам и литературной деятельности, следующим образом разрешал проблему об отношениях народа к царю: «Народ идет к царю; царь выходит к народу; народ кланяется царю; царь кланяется народу; царь спрашивает народ: с чем вы пришли? Народ говорит...». Рассказ на этом обрывался, потому что продолжения у него не могло быть. Такие неопределенно-этические мечтания о взаимных отношениях государя и народа можно встретить и теперь. Так, автор вышедшей в прошлом году книги об основах государственного права русского народа в прошлом и настоящем заключает свою попытку «органически слить царя с народом, соединить их волю до полного отождествления» следующим пожеланием: «Да будет едино стадо и един пастырь, но стадом, каким Хри-

стос разумел свою церковь, т. е. собранием разумных свободомыслящих людей, соединенных общею, основанной не на принуждении, а на свободе, верою в общий идеал». От этого направления веяло стариной и застоєм; его демократический идеал был неуловим и фантастичен; но оно инстинктивно понимало, что политический прогресс должен иметь в России национальный характер и что русский народ должен осуществлять свой исторический завет в союзе с царской властью, а не упразднением ее.

Между тем, русское общество было призвано не только свободно высказываться о правительстве и о своих нуждах, но и влиять через выборных людей на ход правительственного дела... Чистый абсолютизм – редкое и исключительное явление. Весьма часто абсолютные монархи находятся, не давая себе отчета в этом, не только под влиянием, но и под гнетом своих советников – вспомним Филиппа II и Людовика XIV. В Европе эпоха абсолютизма миновала. И русское правительство, преобразив русское государство на европейский лад, само должно было преобразиться в этом направлении. Отсюда необходимость ввести в России конституционные учреждения. Конституция – единственное средство объединить дуализм, естественный дуализм между правительством и обществом, приспособить правительственную деятельность к культурным потребностям нашего времени и современного человека. Ему давно бы следовало брать своих советников не только из рядов высшей бюрократии и придворных сфер, но и из людей, облеченных доверием общества. Ему следовало это сделать не только ради интересов государства, но и из собственного интереса.

Но зато оно в один год перескочило ступень управления с помощью совещательного собрания и призвало выборных людей не только для совета, но и для участия в законодательной власти и в распоряжении государственным имуществом.

«В нашем современном правосознании, – говорит один из авторитетных юристов Германии, – два права народного представительства признаются преимущественно симптомами и основами конституционной монархии – а именно, право на участие в законодательстве и право на участие при установлении государственного хозяйства, т. е. бюджета».

Оба эти права обеспечены за представителями русского народа основными законами империи: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственной думы», сказано в ст. 86; статьи 114 и 109 определяют роль Государственной думы при обсуждении государственной росписи.

Кроме того, посредством права запроса министрам и главноуправляющим по поводу действий, кои представляются незакономерными (ст. 108), Думе предоставлено право контроля над администрацией по всему пространству империи.

Важно, однако, не только то, что кому-либо предоставлено, но самое мнение данного лица или учреждения о новом своем достоянии и его применении к делу. В этом отношении русское общественное мнение никогда еще не играло такой важной роли, никогда на нем не лежало такой великой ответственности. Судьба русской конституции, плоды, которые она может дать, а в связи с этим и будущность страны – в зависимости от того, какое установится на первых порах общее мнение о современной конституции. В особенности важно это в настоящую минуту, когда приближаются выборы во вторую Думу; наступает момент, когда всякому избирателю придется задать себе вопрос: кого же уполномочить стать выразителем общественного мнения в Государственной думе. Посылать ли туда людей, которые понимают ее значение и сумеют извлечь из нее пользу для страны, или же таких, которые, как выражались в первой Думе, будут видеть в ней лишь «этап к революции», или, на добрый конец, собираются туда, чтобы пошуметь, себя показать и во всяком случае что-нибудь урвать. Но ведь это не погром, где всякий старается как можно больше растащить. Урвать для кого и на что? Тут не должно быть речи об интересах лиц или партий. Это дело государственное, и на него нужно смотреть с точки зрения государственного интереса. В особенности это лежит на обязанности того населения, которое связано с русским государством не

только рождением, но и принадлежит к нации, с таким трудом и с такими жертвами создавшей это государство.

Поэтому нельзя не пожалеть – и вред, от этого происшедший, долго будет давать себя чувствовать, что выборы в первую Думу происходили под влиянием партии, поставившей себе целью добиться Учредительного собрания, т. е. вернуться к доисторическим временам, снова сыграть среди общей анархии роль варягов над русской землей, княжить над нею и установить в ней свой порядок. Для членов и приверженцев этой партии обнародованная в основных законах конституция есть только ни для кого не обязательный «листок бумаги», который можно заменить другим, ибо бумага все терпит. При таком взгляде на дело конституционный порядок не в состоянии упрочиться в стране [и] придется трепетать между диктатурой пролетариата и разбоя и направленной против них военной диктатурой. Но и со стороны защитников порядка и конституции приходится встречать неправильное к ней отношение, способное поддерживать смуту в умах и тормозить успешный ход дела в новой Государственной думе. Есть защитники конституции, советующие примириться с нею, довольствоваться ею, «хотя она и не полного, не парламентского типа».

В чем же неполнота русской конституции? Публицист, чьи слова мы привели, очевидно, полагает, что все конституционные государства однородны и принадлежат к одному типу, с тою только разницею, что в одних этот тип проявляется вполне – это государства парламентарные, в государствах же непарламентарных этот тип еще не «закончен», еще неразвился.

Такое представление теоретически неверно, как мы сейчас поясним. Но теоретические ошибки часто бывают менее вредны, чем практические выводы, на которые они наводят. Так и в данном случае. Кому же охота оставаться при незаконченном, несовершенном государственном типе? Особенно, когда переход к «законченному» кажется таким легким? Тот же публицист указывает путь к этому: «парламент», говорит он, «есть не более, как ярмарка, где торгуются, где приобретают политическое право по возможно сходной цене». Нельзя одобрить применение к деятельности государственных органов гостиннодворского обычая ножевой линии в Москве – торговаться до зареза, чтобы дешевле приобрести. В государственных вопросах должен стоять на первом плане принцип государственной целесообразности, а не частный принцип купли-продажи. Проведение этого последнего принципа во второй Думе сделало бы ее в такой же степени неработоспособною, какою была первая Дума, по признанию многих ее собственных членов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.